

ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Статья посвящена анализу возникновения и развития современной науки на основе интерпретации проблемы бытия, в том его понимании, которое выкристаллизовалось еще в эпоху схоластики. Идеинные расхождения между реализмом и номинализмом, давно переставшие быть исключительно теологической проблемой, позволяют по-новому взглянуть на методологию научного познания.

Ключевые слова: бытие, реализм, культура, индукция, дедукция.

S.G. Ivanov

WORLDOUTLOOK BASES OF THE SCIENTIFIC COGNITION

The article is devoted to the analysis of the origin and developments of the modern science on the base of the interpreting the existence's problem, of existence in that its understanding, which was formed as far back as in epoch scholasticism. Ideological divergences between realism and nominalism, for a long time ceased to be exclusively a theological problem, allow to look in a new fashion on methodology of the scientific cognition.

Key words: being, realism, culture, induction, deduction.

Для человека, пытающегося понять историю науки, важна не только описательная ее часть, но и выяснение идейных предпосылок. Между тем очевидная методологическая слабость большинства интерпретаций на тему возникновения и развития научного знания проявляется, прежде всего, в их бессистемности и оторванности от истоков. По сути, за нагромождением имен, дат и концепций в большинстве учебных пособий и книг по философии при рассмотрении этого вопроса скрывается отсутствие не только какой-либо упорядоченности, но и элементарной привязки к первопричине. Познание уподобляется линейному процессу накопления данных и гениальных открытий Нового времени, вылившемуся в бунт Разума против предрассудков Веры, истины против заблуждения. Подобные трактовки фактически разделили религиозность Средних веков и европейскую науку незримой мировоззренческой пропастью, противопоставив при этом друг другу различные формы освоения одной и той же действительности.

Между тем задачей философии является не констатация, а именно объяснение явления. Наука в этом смысле не составляет исключения. Она — ни в рациональной, ни в эмпирической своих составляющих — не могла появиться внезапно, подобно вспышке молнии из тьмы религиозного «мракобесия». Никакая старая концепция не отвергается до тех пор, пока новая и альтернативная ей концепция не выявит все имеющиеся трудности и противоречия. Не было в первоначальных попытках научного осмысления мира и прозаического ответа на «потребности» социума. Это уже потом потребность действительно стала главным фактором развития науки. Однако в начале пути как самой науке, так и потребностям должно было предшествовать нечто их обусловившее. Следовательно, все должно свестись к выяснению этого

«нечто» и выведению из него основных методологических принципов познавательной структуры.

Как известно, главной проблемой средневековой схоластики являлось толкование общих понятий — «универсалий». В споре о том, существуют ли они объективно, независимо от нашего ума и конкретных вещей или обусловлены ими, вычленились два главных направления мысли — реализм и номинализм.

По мнению автора, в этом делении заключен смысловой стержень всей постсредневековой европейской культуры, способный служить надежным классификатором как общей ее направленности, так и отдельных проявлений. Для этого нужно лишь абстрагироваться от первоначального сугубо религиозного смысла. Иначе говоря, рассматривать отношение к «общим понятиям» следует как условный разграничитель тенденций, посредством которого философский реализм поставил вопрос об Истине, разрешение же этого вопроса взял на себя номинализм. Таким образом, речь идет о проявлении двух крайностей, являвшихся в некотором смысле противоположными аспектами одного и того же.

Философской платформой реализма выступал платонизм. Его условная формула сводилась к тезису «*universalia sunt ante res*» (всеобщее *прежде* вещи). Иначе говоря, бытие конкретного материального предмета определялось его прообразом (сущностью, идеей, понятием, воспринимаемыми, однако, как реально существующий идеальный предмет), что с необходимостью ставило вопрос о смысле предмета и в конечном итоге уводило рассуждение от непосредственной чувственности к метафизической проблематике. Напротив, ориентированный в большей мере на Аристотеля номинализм выводил понятие из вещи — «*universalia post res*» (всеобщее *после* вещи). Это означало, что понятие не имеет самостоятельного существова-

ния вне предмета и человеческого ума. Оно – не более чем произвольно-субъективное имя предмета, бытие которого не в понятии, а в нем самом, в его конкретной предметности. Данным выводом вопрос о смысле предмета естественным образом должен был замениться вопросом его *практического* назначения. Таким образом, в сфере познания основное различие между реализмом и номинализмом сводилось к тому, что реалист полагался на свои чувства всего лишь как на источники зрительных образов и эмоциональных стимулов, в то время как номиналист полагался на них как на источники восприятия реальной действительности. Попытками смягчить это противоречие явились умеренный реализм Фомы Аквинского, создавшего универалистскую концепцию бытия (томизм), и концептуализм Пьера Абеляра, согласно которому «общие понятия» имеют объективное существование как производные человеческого ума, возникающие на основе данных органов чувств.

Если исходить из того, что исторический материал может служить определенной мерой, с которой сопоставляются обусловленность, границы, значимость и применимость научных методов, принципов, постулатов и пр., то все дальнейшее развитие этой, на первый взгляд, сугубо теологической дискуссии¹, включая ее промежуточные варианты, легко просчитываемо. Оно не только идейно предопределяет собой окончание Средних веков и рождение Нового времени, но также оказывает непосредственное влияние и на формирование его познавательной парадигмы.

Постепенно осуществленное умеренным реализмом и номинализмом перенесение бытия с вершин горных на действительность земную, придало этой действительности отрицаемый за ней ранее смысл. Неподлинное стало подлинным, незначимое – значимым. Чувственное уже не рассматривалось как нечто низшее и греховное, а пассивное созерцание сущностных начал уступило активному и целенаправленному поиску объяснения действительно существующего. Фактическим выводом из признания понятия «*post res*» – «после вещи» – в конечном итоге оказывалось «бытие

определяет сознание». А раз так, то уже мирское, а не небесное, наука, а не миф должны были стать решающими факторами в вопросе взаимоотношения человека с окружающей его действительностью.

Столь явные расхождения между новыми требованиями и религиозным объяснением мира вели к переосмыслению естествознания и, в частности, астрономии, базирующейся на геоцентрических принципах Птолемея. Коперник разрешил эту проблему. Он изменил астрономию, но этим же самым нанес удар и по традиционной христианской космологии, не столько объяснявшей, сколько оправдывавшей существующий мир посредством аристотелевской физики (теория гомоцентрических сфер).

В свое время отсутствие в августинианстве (крайний реализм) целостного и разработанного учения о космическом порядке, о законах и причинах, способных объяснить явления природы, было восполнено произведениями Аристотеля, дававшими, как полагалось, окончательное «научное» объяснение физического универсума. Вывод Стагирита о неподвижности Земли и ее центральном положении во Вселенной, подкрепленный теорией естественного движения и естественного места, в полной мере соответствовал религиозному принципу высшего и равного самому себе божественного бытия.

Коперник последовательно отверг все положения Аристотеля о том, что центр тяготения Земли является также центром тяготения Вселенной. Опираясь на теорию тяготения, разработанную Жаном Буриданом и Николаем Оремом, Коперник пришел к выводу, что «тяготение есть не что иное, как некоторое природное стремление, сообщаемое частям божественным провидением творца Вселенной, чтобы они стремились к целостности и единству, сходясь в форму шара. Вполне вероятно, что это свойство присуще также Солнцу, Луне и остальным блуждающим светилам, чтобы при его действии продолжали пребывать в своей шарообразной форме, совершая тем не менее различные круговые движения» [1, 135]. Тяготение, таким образом, оказывалось не отношением физической сущности и естественного места, как думал Аристотель, но отношением между *равноправными* физическими сущностями. Любое тело может двигаться не только в направлении центра мира (к Земле) или от него, но и в любом другом направлении – к Луне, Солнцу и так далее. Земля – такая же планета, как и все остальные, и потому каждая из планет может быть центром вращения остальных.

Разрушение астрономией геоцентрической доктрины, структурировавшей мир в упорядоченную иерархию сущностей, на идейном уровне означало поражение схоластического реализма. Созданная им религиозная картина действительности стала рассыпаться как картонный домик. Из выво-

¹ Сам спор об универсалиях возник из попыток осмысления догмата о Св. Троице. Троичность Бога, окончательно сформулированная на Втором Вселенском соборе в 381 году, в виде никео-царьградского Символа веры, являлась одним из основных и общепризнанных положений христианства. Между тем сомнительным оставалось положение об отношении отдельных ипостасей к единому Богу, из которого рождался вопрос о местопребывании сущего – в общем или единичном. С учетом же того, что еще Порфирий в «Введении» к «Категориям» Аристотеля поставил вопрос о возможности существования общего, можно сказать, что этот вопрос не выглядел новым и, таким образом, проблема универсалий изначально выходила за узкие рамки теологии, становясь методологической платформой измерения бытия как универсальной тотальности на уровнях интеллектуально-познавательном («до...»), рассудочно-практическом («в...»), эмоционально-волевом («после...»).

да, что центр мира повсюду и нигде, логически следовал вопрос о местоположении Бога в бесконечном космосе и его отношении к человеку. Высшая сущность и низшее существование фактически уравнивались друг с другом; абсолютная истина становилась сомнительной и начинала рассматриваться как состоящая из множества «истин» частного порядка. С учетом же того, что сущность теперь однозначно заключалась в самом человеке (что, в частности, как бы и подтверждало открытие Коперника), то соответственно и критерии истины человек мог изобретать теперь сам, соотносясь с собственным разумом, без какой-либо оглядки на авторитет религиозного Откровения.

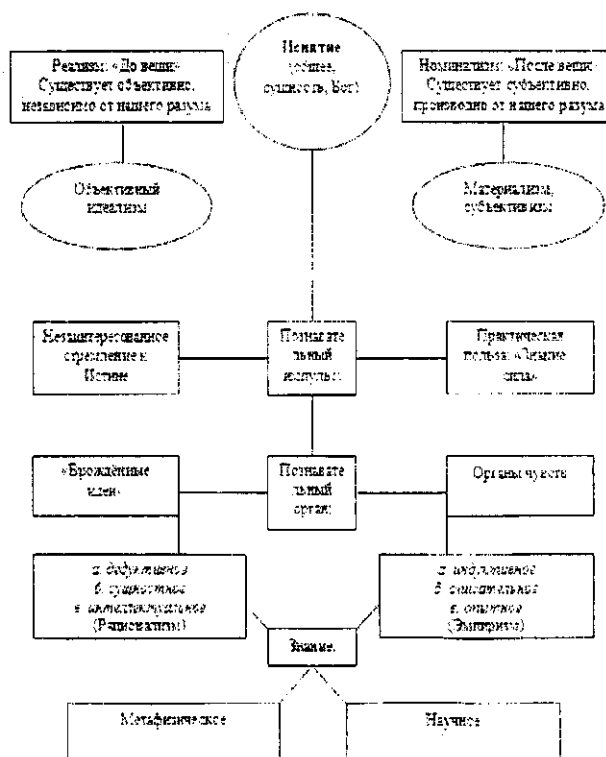
Это стало настоящей мировоззренческой революцией, затронувшей все сферы интеллектуальной деятельности. Идея прогресса заменила собой эсхатологические ожидания конца света. Наука, упоенная пафосом знания и нацеленная на практическое освоение мира, начала безоговорочно теснить религию. Однако в этом своем стремлении она не только сама уподобилась Вере, но и неявным образом воспроизвела в своей методологии ее сущностные, связанные с проблемой универсалий, принципы. Чтобы представить, как практически проявлялось это своеобразное диалектическое «снятие», достаточно чисто логическим путем смоделировать следствия реализма и номинализма в познавательной сфере, сознательно взятые в их крайних значениях. Специально рассматривать промежуточные варианты (умеренный реализм, концептуализм) здесь излишне. Важнее уловить направленность тенденций и понять, на что они в конечном итоге выводят.

Допустим, мировоззренческой основой познающего субъекта являются принципы реализма. Его интересует некий предмет чувственного мира, но субъект исходит из того, что этот мир неподлиннен. Подлинность, согласно реалистической концепции, принадлежит не миру и единичным вещам, но общему замыслу о мире и вещах. Спрашивается, куда будет направлено познание предмета? – На сам сомнительный в своей единичности предмет или на его несомненную причину, прообраз, идеальную сущность? Сомнений здесь быть не может – конечно, на сущность, при абстрагировании от факта и форм конкретного существования. Таким образом, познание изначально оформляется как *сущностно-смысловое*, ориентированное на исходную причину предмета, как ответствующее на вопрос: «Почему?». Более того, познавая идеальное *общее* предмета, субъект всегда сможет объяснить и отдельные предметы данного

рода, то есть субъект действует *дедуктивно*. Наконец разумность мира предполагает, что природа подчинена не иррациональному случаю, но логической необходимости и законам гармонии. Следовательно, познавательная деятельность субъекта, соприкасаясь с умопостигаемым, не может носить опытный характер, но осуществляется *интеллектуально*, – вне зависимости от того, идет ли субъект в своем рассуждении путем рационально-логическим или действует интуитивно.

Рассмотрим и противоположный вариант. Предмет – это факт, с которым сталкивается познающее сознание. При этом субъект не признает за предметом никакой идеальной сущности. Сущность вещи в самой вещи и тождественна ей. Соответственно она не имеет и не может иметь какого-либо иного нематериального существования. Здесь все более чем конкретно и все ориентировано на непосредственную пользу. Вследствие этого познание начинается с вопроса о неизвестном для субъекта, но чувственно-воспринимаемом предмете, то есть с внешнего *опыта*, с эмпирии и сводится не к проникновению в смысл предмета, а к его *описанию* и сравнению с другими предметами. Последнее предполагает ответ на вопрос: «Что есть предмет и как он устроен?». Формальное выяснение этого вполне достаточно для того, чтобы сделать вывод о предмете и, соотнеся его с другими предметами рода, классифицировать понятийно. Логика познания в этом случае выстраивается исключительно *индуктивным* путем – от частного к общему.

Каждую из рассмотренных здесь позиций в отдельности можно игнорировать, считать натяжкой или недоразумением, но, сведенные воедино, они дают действительно новую трактовку истории науки. Мировоззренческие картины Средних веков и Нового времени уже не исключают друг друга, но как бы взаимно накладываются одна на другую. По сути, вся идейная и методологическая платформа Нового времени оказывается посылочной сформированной. Реализм, заменивший понятие Бога космическим универсумом, реализует себя на новом уровне. Декарт и Вольф, рационализм в целом предсказаны. Равно Бэкон и Гоббс, сенсуализм Беркли и агностицизм Юма, позитивистская философия XIX века не возникают неизвестно откуда, но выводятся из номинализма как его безальтернативные следствия (*рис. 1*). Все последующее развитие науки фактически выстраивается вокруг различных комбинаций этих двух тенденций.

Литература

1. Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Наука и религия: историко-культурный очерк. – М.: Наука, 1988. – 176 с.

Literature

1. Kimclev Yu.A., Polyakova N.L. Science and religion: historian-cultural essay. – Moscow: Nauka, 1988. – 176 p.

Сведения об авторе

Иванов Сергей Геннадьевич – канд. филос. наук, доцент каф. философии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, г. Санкт-Петербург, e-mail: kaphphil_2005@list.ru.

Data on author

Ivanov Sergey Gennadievich - cand. of philosophical science, assistant professor of philosophy department of the St.-Petersburg state Polytechnic university, St.-Petersburg, e-mail: kaphphil_2005@list.ru

УДК 10
ББК Ю 25

С.Э. Аршинская

СТРУКТУРА ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА

В статье рассматривается эволюция научных представлений о структуре идентичности, анализируется влияние на данный процесс нескольких факторов. Во-первых, усложнение самого феномена идентичности в условиях глобализации и появление новых видов идентичности («протеевская», сетевая, виртуальная и др.); во-вторых, трансформация научного мышления на рубеже XX – XXI веков и сопряженной с ним методологической рефлексии в плане исследования множественных и динамичных объектов, в-третьих, обогащение взглядов на структуру идентичности за счет повышения статуса проблемы идентичности как междисциплинарной. В статье представлены современные гипотезы структуры идентичности.

Ключевые слова: идентичность, структура, методология, глобализация.

S.E. Arshinskaya

STRUCTURE OF IDENTITY: PROBLEMS OF ANALYSIS

In the article the evolution of scientific ideas about structure of identity is studied, the influence of several factors on this process is analyzed. Firstly the complication of the phenomenon of identity itself in the conditions of globalization and appearance of new kinds of identity ("proteus", net, virtual identity and others), secondly transformation of scientific thinking at the end of the XX-th - beginning of the XXI-st centuries and methodological reflection connected with it in the field of research of multiple and dynamic items, thirdly enrichment of views at the structure of identity because of the increasing of the status problem of identity as multidisciplinary problem. In the article modern hypotheses of structure of identity are presented.

Key words: identity, structure, methodology, globalization, new kinds of identity.